

Выдающийся чешский лингвист Адольф Эрхарт (1926–2003) был широко известен как один из крупнейших специалистов по сравнительно-историческому языкознанию, блестящий исследователь, выдвигавший яркие, опередившие свое время идеи, и преподаватель, вводивший своими учебными пособиями читателя в проблематику общего, сравнительно-исторического языкознания, этимологии, индоиранских, балтийских языков. Работы А. Эрхарта всегда находили доброжелательный отклик в нашей стране. Ср. обзорную статью [Герценберг 1979], рецензии [Иванов 1984; Красухин 1995]; во всех этих отзывах подчеркивался высокий уровень исследований А. Эрхарта и их большое значение для современной науки. К сожалению, сложная ситуация с книгоснабжением в 90-е гг. не позволила отечественным ученым должным образом отреагировать на позднейшие книги замечательного чешского компаративиста (к примеру [Erhart 1993]).

Выход «Избранных трудов» можно рассматривать как подарок всем специалистам по индоевропейскому языкознанию. Подавляющее большинство статей напечатано по-немецки (часть была написана на этом языке автором, часть – переведена), одна – по-французски. Исключение составляет последняя, посвященная этимологии этнонима *čech*, что объясняется значимостью темы именно для чешского языка. Большинство републикованных работ хорошо известны, некоторые стали классическими. Собрание их под одной обложкой дает представление об эволюции взглядов ученого; для рецензента же это повод поговорить о наследии А. Эрхарта.

Книга состоит из следующих разделов: I «Общие вопросы» («Пути и задачи сравнительного языкознания», «К вопросу об отно-

шении индоевропейских языков к иным языковым семьям», «Происхождение индоевропейских языков: дифференциация или интеграция?», «О классификации языков»); II «Фонология и морфология» («О чередовании индоевропейских звонких и звонких придыхательных»; «Об индоевропейском консонантизме», «Праславянские смычные», «Состав общеиндоевропейских фонем», «О развитии и современном состоянии ларингальной теории»; «Индоевропейское ударение и его функции»; «Об индоевропейской фонологии»; «Основные тенденции в развитии индоевропейского звукового строя», «Индоевропейская система согласных и классификация индоевропейской семьи языков»; «Об индоевропейской фонологической системе», «К вопросу о стабильности системы согласных в языках европейского ареала»); III *Varia* («Проблема балто-славянского единства», «Заметки о назальном инфиксе в славянском», «О роли префиксов в индоевропейских языках», «О колыбели славянских языков», «Морфология индоевропейских предлогов», «Вечное *s*: Индоевропейская морфема *s* и ее проявления»; «Архаика или консервативность? Анатолийский и балтийский», «Откуда наше имя? К происхождению этнонима *čech*»).

Как видим, список проблем, поднятых в 24 опубликованных статьях (печатавшихся с 1956 по 2000 гг.), весьма внушителен. Автор рассматривает как общие вопросы родства языков и классификации языковых семей, так и более частные сюжеты фонетики и морфологии. Однако, – и это особенность творчества А. Эрхарта, – и от частных тем он переходит к важным обобщениям. Объем рецензии не позволяет охарактеризовать каждую из включенных в сборник работ, поэтому по-

пробуем проследить общие тенденции рассматриваемой книги.

В статье о путях и задачах сравнительного языкознания автор прослеживает сложный путь, который проделало понятие праязыка и реконструкции. Так, Ф. Бопп размышлял о морфологии праязыка, не пытаясь дать его общего определения. А. Шляйхер, напротив, видел задачу языкознания в полной реконструкции праязыка (и написал на нем басню). Младограмматики скептически относились к этой программе: Э. Герман и А. Мейе вслед за ними считали праязык лишь «системой соответствий», а их современник Г. Хирт считал праязык реальностью (и представил свой вариант басни Шляйхера¹). Автор полагает, что эта проблема должна рассматриваться по-разному в применении к разным уровням и в зависимости от задач исследования. Так, фонемный уровень родственных языков сводим друг к другу. Как бы мы ни интерпретировали фонологическую систему праязыка, в фонемах языков-потомков наблюдается совокупность соответствий, которая и позволяет диагностировать их родство. В морфологии дело обстоит иначе: отдельные словоизменительные морфемы (не говоря уж о словообразовательных) могут иметь различное происхождение. Так, окончание генитива тематических основ, периферийных падежей мн. ч. в различных индоевропейских диалектах различаются на самых глубоких уровнях реконструкции. Тем не менее, в основе морфология родственных языков обнаруживает черты единства. Напротив, в фонетике и синтаксисе (в меньшей степени в лексике) языки обнаруживают значительные расхождения, что затрудняет реконструкцию соответствующих уровней. Автор справедливо указывает, что это связано с базовыми свойствами языка. Наименее устойчивы те уровни, которые связаны с внеязыковой действительностью (фонетика – с акустикой и устройством речевого аппарата, синтаксис – с мышлением). С нашей точки зрения, есть возможность реконструировать и базовые синтаксические структуры. Восстановлению поддаются функции падежей, системы связи в синтагмах, а на их основании – и основы сложного предложения.

¹ Все же отношение Хирта к праязыку было иным, чем у Шляйхера. Его вариант басни служил не столько доказательством реальности праязыка, сколько иллюстрацией к реконструированной фонологии и морфологии. Такую же роль играет «переписанная» басня у У. Лемана и Л. Згусты [Lehmann, Zgusta 1979].

Статья о взаимоотношении индоевропейских и иных языков (в соавторстве с А. Лампрехтом) может рассматриваться как памятник своего времени. Она была опубликована в 1967 г., до выхода таких важных работ, как [Иллич-Свитыч 1971–1984; Bomhardt 1989; Dybo, Mudrak, Starostin 2002]. Авторы полагают, что есть серьезные аргументы в пользу индоевропейско-уральского родства, тогда как индоевропейско-семитохамитские сходения следует объяснить контактом соответствующих семей.

Важную тему рассмотрел автор в статье о классификации индоевропейских языков. Автор рассматривает основные морфологические изоглоссы, членящие индоевропейскую языковую область. Автор показывает важные различия восточных (греко-арийских) и западных (балто-славянских, германских, итало-кельтских) языков в системе времен, зало-гов, модусов и причастий. В «восточных» языках развита система первичных и вторичных окончаний, в западных она редуцирована. В восточных языках функционирует аугмент; на его базе появился имперфект (претерит презенса), существуют системы аориста и перфекта. В западных языках остатки аориста и перфекта объединились в парадигму претерита, имеется претерит на *-ā-*. В восточных языках имеются специальные флексии среднего залога; в западных они либо не развились, либо дополнены элементом *-r* (итало-кельтские). Оптатив и конъюнктив в восточных языках существуют как самостоятельные модусы; в западных они слились; в итальянском к их суффиксам прибавилось **-ā-*. Наконец, только в восточных языках известны регулярные медиопассивные причастия на **-meno-*, перфектные причастия на **-wos-/wot-* и герундии на **-tewyo-*. Эту схему необходимо дополнить. Во-первых, следы первичных и вторичных окончаний прослеживаются в славянских, балтийских и итальянских языках, хотя, конечно, система оппозиций не так развита, как в греко-арийском. Во-вторых, претерит на **-ā-* занимает различные позиции в итало-кельтском (где он образует несколько самостоятельных подсистем) и в балто-славянском, где он слился с другими образованиями в единую категорию. В церковнославянском хорошо известна категория сигматического аориста, подразделяющаяся на новый (*несохъ, брахъ*) и старый (*вѣсь* = др.-инд. *āvāksam*, лат. *vēxi*, греч. диал. (ἔφεξε). Перфект в церковнославянском не исчез полностью (как в итало-кельтском), а был замещен причастной конструкцией. Таким образом, славянские языки разделяют как восточные архаизмы, так и западные инновации. В-третьих, в гот-

ском языке сохранился синтетический медиопассив (*nimada* 'он взят' и т.д.). Следовательно, если в славянских и балтийских языках медиальные окончания могли не развиваться, то в германских они исчезли. Все эти соображения, конечно, не опровергают построения А. Эрхарта, но вносят необходимые поправки, позволяющие уточнить классификацию.

Исследователь, помимо дивергенции, придает значение и конвергенции. С опорой на работы В. Пизани [Pisani 1959] автор полагает, что итальянская группа языков могла сформироваться на базе языкового союза первоначально независимых друг от друга латино-фалисского и оско-умбрского праязыков (что не принимается большинством современных исследователей [Meiser 1986]). В греческом языке автор видит «протоионийскую» (восточную) и «западную» составляющие, благодаря которым греческий содержит такие «западные» черты, как переход $*k^h > p$ (общий с оско-умбрским и континентальным кельтским), окончание им. п. мн. ч. $*-oi$, кентумные заднеязычные, и такие восточные черты, как сложность системы времен, причастия на $*-meno-$ и $*-wot-$. На наш взгляд, это скорее говорит о положении греческого между западным и восточным ареалами. Аналогичное положение занимают и славянские языки, в глагольной системе которых достаточно изоглоссы как с балтийскими, так и с греко-арийскими языками. Схема родства индоевропейских языков, приведенная на с. 65, в свете нынешних знаний должна быть скорректирована. Фригийский язык — отнюдь не изолированный язык, а ближайший родственник греческого [Orel 1997; Красухин 2001]; аналогично и фракийский. Иллирийский и венетский обнаруживают родство с итало-кельтскими.

По мнению автора, диалектная дифференциация праиндоевропейского началась примерно в 3000 г. до н.э.²; в этот период в именах еще не сформировались до конца периферийные падежи, а в глаголах — система времен. Оформление основных фонологических и морфологических черт западных языков произошло в 3000–1500 до н.э.

В статье «О классификации языков» рассматриваются вопросы вычленения различных форм языковой общности (от группы до макрофилы), языковой конвергенции и ареальной лингвистики. Автор делает интересную попытку описать основные языковые

ареалы Земли с вычленением архаичных, первичных и вторичных языковых семей. Так, для Европы архаичны «яфетические» (кавказские, баскский и некоторые реликтовые языки³).

Большинство статей второго раздела посвящено фонетике. Это вполне обосновано. Вопросами исторической фонетики и фонологии А. Эрхарт интересовался всю жизнь, но его монографии были посвящены по преимуществу морфологии. Исследователь придерживался точки зрения, согласно которой праиндоевропейский консонантизм был прост, большинство его различительных признаков развилось в отдельных семьях языков. Так, рассматривая вопрос о соотношении простых и придыхательных звонких, он показывает лабильность признака придыхательности (ср. лат. *egō* — др.-инд. *ahám*). С другой стороны, признак звонкости/глухости тоже не всегда устойчив: др.-инд. *bhrājati* — *bhrāśate* 'сиять,' ($*bhlēg-$ / $*bhlēk-$). Это можно было бы объяснить тем, что в упомянутых корнях и лексемах встретились разные детерминативы. Но колебания возможны и в начале слова. Так, гот. *dragan* 'тащить' родственно др.-инд. *dhra-jati*. Но, возможно, тот же корень присутствует и в лат. *traho*⁴, а также в греческом аористе (ἔδραμον, др.-инд. *dravati*, *dramati* 'бежать'. Для решения этой проблемы (ставившейся еще Г. Хиртом) автор предлагает три возможных решения. Во-первых, в индоевропейских корнях могла иметь место дистантная ассимиляция, в ходе которой придыхательная фонема могла терять этот признак или непридыхательная фонема — этот признак обретать ($*stem-bh-$ > $*stem-b/$ $*sthembh-$, снова переходившая в $*stembh-$). Во-вторых, развитию придыхательных могли способствовать ларингалы. В-третьих, сам признак придыхательности мог быть лабильным в раннеиндоевропейском языковом состоянии.

Необходимо отметить также классическую работу о функциях подвижного акцента, опубликованную впервые в 1975 г. Проблема ударения стала дискуссионной во второй половине XX века; остается таковой и в наши

³ Автор не утверждает их родство между собой. В настоящее время многие ученые полагают, что западно- и восточнокавказские языки объединяются в одну семью, а картвельские им не родственны; баскский язык остается изолированным. Вопрос о внешних связях этрусского языка тем более остается *sub iudice*.

⁴ Это спорно: восстановление *trahō* как $*tr^h3-gh$ (в нотации автора, где 3 — символ одного из ларингалов) вызывает сомнение. Возможно, *trahō* происходит из *trans-vēho*.

² В настоящее время датой распада праиндоевропейского называют 4500–4000 гг. до н.э. и связывают этот процесс с domestikацией лошади.

дни. Дело в том, что индоевропейское ударение, по-видимому, было одновременно тоновым и силовым; в атематических глагольных и именных парадигмах оно было подвижным, в тематических – неподвижным. И здесь возникли два вопроса. 1. Чем обусловлена подвижность ударения: характером слога или морфосемантическими (морфосинтаксическими) функциями? 2. Первично или вторично неподвижное ударение? Согласно В.М. Иллич-Свитычу [Иллич-Свитыч 1963] и В.А. Дыбо [Дыбо 1981], ударение могло быть подвижным или неподвижным, передвижения его либо были «заданы» изначально, либо объяснялись тонами. Иная традиция, ведущая начало от Ф. Боппа и Ф. де Соссюра, полагает, что изначально силовой акцент был связан с аблаутом (прежде всего, количественным, а, возможно, и качественным). В дальнейшем ударение утратило силовой характер, и чередование звуков приобрело фонологическую значимость. Аблаут стал индикатором древнего места акцента. Согласно А. Эрхарту, передвижение акцента прежде всего носило детерминирующую функцию. С его помощью выделялась значимая морфема. В оппозиции номинатива (**pédes* > **péd-s*) и генитива (**podés*) морфема флексии безусловно является таковой, так как она придает лексеме комплекс значений родительного падежа. Я бы прибавил к этому то, что в системе падежей окситонеза маркирует не просто детерминированные, а зависимые падежи – генитив и датив, тогда как номинатив, аккузатив и локатив (падежи подлежащего, предела и местонахождения) баритонны.

Передвижение акцента сыграло важную роль в развитии системы аспектов в индоевропейских языках. В этой статье он высказывает идею, развитую потом в книге [Erhart 1989]: один суффикс при глагольной основе придавал ей перфективное значение; два суффикса образовывали итеративное значение, которое могло «деградировать», т.е. превратиться в простое дуративное. Так автор объясняет функционирование, к примеру, назальных презенсов. Иными словами, перфективный суффикс первоначально притягивал к себе ударение (CARCA > CRCÁ), затем, в презенсе, происходила рецессия. Автор справедливо отмечает, что сама по себе ступень корня не связана с каким-то аспектом. Так, в древнеиндийском известен имперфект *ádaśat* 'кусать', а однокоренная греческая форма ἔδακον – это аорист. В действительности славянский материал демонстрирует и презенсы с 0 ступенью, противостоящие аористам в полной ступени (жърж – жрътми, ср.др.-инд. *girāti* – аорист конъюнктива *garat*) [Stang 1942: 30–31].

Можно говорить о спорадической связи аспекта и ступени корневого вокализма.

Весьма интересна статья о «вечном s». Идею, лежащую в ее основе, автор высказывал в работах [Erhart 1967; 1989]. Она заключается в том, что морфема *-s-*, представленная в восьми различных функциях (показатель номинатива; показатель – с добавочными фонемами – генитива; вместе с *e-* – показатель номинатива мн. ч. (**-es*); суффикс аориста; суффикс 2 л. ед. ч. действительного и – с добавлениями – среднего залога; составная часть суффикса футурума и дезидератива; с добавлением *-i*, *-u* – суффикс локатива мн. ч.), является по сути единой формой. Она выражала единичность. Автор показывает, каким образом из номинатива развился генитив⁵, каким образом номинатив стал показателем и мн. ч.⁶; единичность в глаголе образует значение завершенности, что и выражено суффиксом *-s-* как аористным. Соответственно нет сомнения в связи футурального и дезидеративного суффикса с аористным, а локативное *si/-su*. Общий вывод автора таков: формант **-s* имеет значение единичности, по-разному проявляющейся в разных грамматических подсистемах. В последнее время эту идею высказывают различные исследователи. Так, в [Красухин 2004: 65–66] с опорой на ранние работы А. Эрхарта отмечается, что морфема **-t* изосемантична и изоморфна **-s*. Близка к работе А. Эрхарта реконструкция «морфологического центра индоевропейских языков **-s/-t*», предложенная Т.М. Николаевой [Николаева 2008: 234–252]. Весьма интересны наблюдения А. Эрхарта над «новым *-s*» (т.е. возвратной частицей) в новейших индоевропейских языках (славянских, скандинавских), где она «удерживает» флективный строй.

В статье об этимологии этнонима *čech* автор принимает тезис Р.О. Якобсона [Jakobson 1938] о парных этнонимах *лях/чех*, но предпо-

⁵ Эта идея была убедительно доказана еще в работе Ван Вейка в 1900 г.

⁶ Здесь необходимо дополнение. Формант **-s* на определенном этапе праиндоевропейского стал показателем мн. ч. не только в номинативе: об этом свидетельствуют формы инструментала **-ōis*, аккузатива **-ns*, периферийных падежей **-bhis/-bhias*, **-mos/-mis*. Видимо, это произошло под воздействием основ на плавные и носовые, где окончание номинатива ед. ч. выпадало (с заменительным удлинением предшествующего гласного): др.-инд. *pitā#* (*pitār#*) – *pitāras*, греч. πατήρ – πατέρες. В этой оппозиции *-s* ассоциируется с множественным числом.

лагает иное происхождение для второго из них. Согласно Якобсону, имя **lech* сопоставимо с о.-слав. **lědъ / lědo*, о.-герм. **land-* и является уменьшительным от **lędeninъ* 'житель земли людей' (возделанной земли), тогда как **čech* происходит от *čędo* 'дитя' и означает 'житель невозделанной' (детской, девственной) земли. Эрхарт же полагает, что *lech* следует толковать как 'житель низинной земли'; первичное значение общиндоевропейского корня **lendh-* именно 'низкий, низменный'. Поэтому он лежит в основе названия 'бедра': лат. *limbus*, др.-в.-нем. *lenti*, слав. *лѣдвыѣ*. Имя же *čech* происходит из **čelenin*; исследователь связывает его с и.-е. **kel-* 'поднимать' (лит. *kėlti, kálnas* 'холм', лат. *collis* 'то же', *pro-cello* 'поднимать'). Т.о., *lech* – житель низин, *čech* – возвышенности. По мнению автора, первоначально так называли жителей Моравии, затем этноним распространился и на низинную Богемию.

Отметим также прекрасно составленный аппарат книги. В ней приведена полная библиография работ А. Эрхарта (с указанием рецензий, а также оставшихся в архиве ученого рукописей), список работ об А. Эрхарте, интересный очерк его биографии, принадлежащий Б. Выкыпелу. Из него мы можем узнать, в частности, что по окончании школы А. Эрхарт колебался между филологией, химией и железнодорожным делом, но выбрал все-таки славистику, классическую филологию и компаративистику. Среди его товарищей по учению отмечаются выдающиеся лингвисты англист Ян Фирбас, славист Радослав Вечерка, эллинист Антонин Бартонек. Самым ярким из его учителей (преподававшим и названным филологам) был, конечно, В. Махек, автор не утратившего своего значения этимологического словаря чешского языка. Эрхарт сотрудничал также с лингвистом широкого профиля Павлом Тростом, балтистом, германистом, индоевропеистом, который оппонировал по диссертации Эрхарта и рецензировал его книги. Несмотря на широкое международное признание, карьера нашего героя складывалась в социалистической Чехословакии отнюдь не ровно. В звании профессора его утвердили только в 1988 г., хотя университет представил его к этому званию на 20 лет раньше (Б. Выкыпел недвусмысленно связывает это с событиями августа 1969 г.). Звание же доктора наук он получил в 1973 г. за работу [Erhart 1970].

Во второй части своего очерка автор проводит параллель между понятийным аппаратом, используемым А. Эрхартом, и теорией глоссематики. Конечно, надежная система праиндоевропейского, представленная в [Erhart 1970] отличается от классификации [Hjelmslev 1935] (хотя преемственность здесь

имеется: Ельмслев первым предложил целостное описание надежной системы на базе ограниченного количества признаков). Главное сходство в другом. Оба лингвиста отдавали предпочтение методу перед фактом. Имея дело с ненаблюдаемым объектом (праязыком или языком вообще, как чистой системой отношений), датский и чешский ученые подчеркивали необходимость создания модели действительности до обращения к конкретным фактам (а ценность модели определяется ее объяснительной силой). Взятые же вне системы факты имеют небольшую эмпирическую ценность. Ельмслев и Эрхарт неоднократно это декларировали и использовали в своих исследованиях⁷. Что же касается иных источников методологии А. Эрхарта, то влияние на него Пражской школы самоочевидно и даже специально не обсуждается Б. Выкыпелом. Мало кто из лингвистов так успешно пользовался понятиями оппозиции, маркированности и нейтрализации различных признаков.

В книге публикуются письма А. Эрхарта к Л.Г. Герценбергу с оценкой присланной ему книги [Герценберг 1981] и соображениями о развитии индоевропеистики; она иллюстрирована хорошо подобранными фотографиями. Вместе с очерком они помогают почувствовать автора – спокойного, приветливого, доброжелательного, всей душой преданного науке. Именно такое впечатление Адольф Эрхарт произвел на рецензента, который имел счастье познакомиться с ним лично в 1985 г., а затем несколько лет состоял в переписке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Герценберг 1979 – Л.Г. Герценберг. Предыстория индоевропейских языков в трудах А. Эрхарта // ВЯ. 1979. № 2.
Герценберг 1981 – Л.Г. Герценберг. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981.

⁷ Попутно замечу, что объект исследования у них все-таки был различным, и это предопределило результаты. Система Л. Ельмслева поражает логичностью и законченностью; это, возможно, единственная последовательно дедуктивная модель языка, однако применять ее на практике непросто, ибо Язык вообще является очень большим обобщением действительности. Напротив, система А. Эрхарта вполне применима на практике и поддается модификации. Праязык, в отличие от Языка, – хоть и не наблюдаемая, но вполне реальная сущность.

- Дыбо 1981 – В.А. Дыбо. Славянская акцентология. М., 1981.
- Иванов 1984 – Вяч.Вс. Иванов. [Рец.] А. Erhart. Indoeuropské jazyky // Балто-славянские исследования 1983. М., 1984.
- Иллич-Свитыч 1963 – В.М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
- Иллич-Свитыч 1971–1984 – В.М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Т. 1. М., 1971; Т. 2. 1976; Т. 3. 1984.
- Красухин 1995 – К.Г. Красухин. [Рец.] А. Erhart. Das indoeuropäische Verbalsystem // ВЯ. 1995. № 1.
- Красухин 2001 – К.Г. Красухин. К интерпретации новофригийской надписи В 87 // ИАН СЛЯ. 2001. № 2.
- Красухин 2004 – К.Г. Красухин. Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис. М., 2004.
- Николасва 2008 – Т.М. Николаева. Непарадигматическая лингвистика (история блуждающих частиц). М., 2008.
- Bomhardt 1989 – A. Bomhardt. The etymological dictionary of Nostratic languages. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
- Dybo, Mudrak, Starostin 2002 – A. Dybo, O. Mudrak, S. Starostin. The etymological dictionary of Altaic languages. Leiden, 2002.
- Erhart 1967 – A. Erhart. Zur ie. Nominalflexion // SPFFBU. 1967. A 15.
- Erhart 1970 – A. Erhart. Studien zur indoeuropäischen Morphologie. Brno, 1970.
- Erhart 1989 – A. Erhart. Das indoeuropäische Verbalsystem. Brno, 1989.
- Erhart 1993 – A. Erhart. Die indogermanische Nominalflexion und ihre Genese. Innsbruck, 1993.
- Hjelmslev 1935 – L. Hjelmslev. Le cas. Aarhus, 1935.
- Jakobson 1938 – R. Jakobson. Reimwörter Cech-Lech // Slavische Rundschau. 1938. 10.
- Lehmann, Zgusta 1979 – W.P. Lehmann, L. Zgusta. The Schleiers tale after a century // Studies in diachronic, synchronic and typological linguistics: Festschrift O. Szemerényi. Amsterdam; Philadelphia, 1979.
- Meiser 1996 – G. Meiser. Lautgeschichte der umbrischen Sprache. Innsbruck, 1986.
- Orel 1997 – V. Orel. The Phrygian language. Innsbruck, 1997.
- Pisani 1959 – V. Pisani. Die indoeuropäische Sprachen in Griechenland und in Italien // Lingua poznaniensis. V. 7. 1959.
- Stang 1942 – Chr. Stang. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942.

К.Г. Красухин